DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.034
УДК 821.161.1 Лесков-31 + 82.091-055.2

А. П. Кашкарева
Сургутский государственный педагогический университет
Сургут, Россия

ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ Н. С. ЛЕСКОВА «НЕКУДА»

В статье рассматриваются типы женских образов в романе Н. С. Лескова «Некуда». Анализ художественного текста позволяет сделать вывод о том, что писатель стремился к постижению особенностей характера русской женщины, выявлению разнообразных форм бытования женского начала. При этом можно говорить о типологическом сближении героинь романа «Некуда» Николая Лескова с женскими образами классической русской литературы (в качестве доказательства проводятся параллели с творчеством Ф. М. Достоевского). Уже в первом своем романе Н. С. Лесков намечает систему женских образов (женщина-праведница, женщина «нового» типа, женщина инфернального типа, женщина «на перепутье» и пр.), получившую развитие в позднем периоде творчества писателя. Обозначенные типы имеют как черты сходства, так и различия. Главным критерием выведенной типологии является выбор своего пути каждой из героинь в момент кризиса. Отмечается, что в романе «Некуда», произведении о нигилистах, на первый план Николай Лесков выводит именно фигуры девушек, женщин, показывает, как складывается их судьба, поскольку образы, типы женщин в данном тексте — индикатор ценностных ориентаций писателя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская литература; русская проза; Н. С. Лесков; роман «Некуда»; женские образы.

Роман Н. С. Лескова «Некуда» — произведение, отражающее сложные социально-исторические события в России 1860-х гг. Долгое время этот роман воспринимали как творческую неудачу писателя. Так, например, Б. М. Другов отмечал: «Роман “Некуда”, заполненный сырым, непродуманным материалом, излишними автобиографическими признаниями и личными выпадами, написанный словно в оправдание авторского двойника — доктора Розанова, имел скандальный обывательский успех и еще больше отдалил Лескова от передовых читателей» [Другов, с. 26]. Подобные оценки романа могли появиться, во-первых, в связи с «объяснением» Лескова («О романе “Некуда”»), где писатель смело говорит: «Роман этот писан весь наскоро и печатался прямо с клочков, нередко писанных карандашом, в типографии. <...> Роман этот носит в себе все знаки спешности и неумелости моей» [Лесков, 1997, т. 4, с. 687]. Во-вторых, как заметил А. Лесков, многие ссылались на «“фотографичность” большинства персонажей “Некуда” и описываемых в нем событий, подтверждая тем самым достоверность последних» [Лесков, 1954, с. 178]. Другими словами, за изображенными

© Кашкарева А. П., 2016

событиями, портретами читатель угадывал конкретные исторические события, деятелей общественного движения 1860-х гг. Как пишет Н. И. Тотубалина, «портретное и вместе с тем памфлетно-карикатурное изображение ряда известных лиц особенно возмутило передовую общественность» [Тотубалина, с. 717].

Современным исследователям удалось преодолеть тенденциозные оценки романа, поскольку они (Н. Н. Старыгина, Ж.-К. Маркадэ и пр.) обратили внимание на аксиологический пласт художественного произведения, рассмотрели роман как опыт полемической прозы, увидели в тексте «антологию стилистической виртуозности писателя» [Маркадэ, с. 90], подтвердили, что персонажные образы, встречающиеся на страницах романа, служат для передачи идейных установок автора, его мировоззренческих позиций, в том числе и в понимании семьи как основополагающей ценности, философии взаимоотношения полов и пр.

Вопрос типологии женских образов в романе «Некуда» Н. Лескова интересовал многих литературоведов. Так, отдельным типам женщин в указанном романе автора посвящены труды Т. Н. Ивановой [Иванова], Н. Н. Старыгиной [Старыгина, 2003], А. В. Ганиной [Ганина] и др. Заметим, что в этих работах (за исключением труда Н. Н. Старыгиной) при анализе образной системы романа исследователи выделяют лишь два типа женщин: «новую» и «праведную» («традиционный тип» по Т. Н. Ивановой). На наш взгляд, в романе «Некуда» (1864), первом крупном произведении автора, выявляется более обширная типология женских образов, и ее можно считать исходной для всего последующего творчества писателя:

1) женщина-праведница, олицетворяющая собой осознанную и деятельную любовь к людям (*Агния Николаевна*, *сестра Феоктиста*); носительница народного сознания, народной нравственности (*Евгения Петровна Гловацкая*, *Марина Абрамовна*, *Николаевна* (прислуга Помады), *Ольга Сергеевна Бахарева*, *Дарья Афанасьевна* (жена Нечая), *Марья Михайловна Райнер*, *Варвара Ивановна Богатырева*, *Полинька Режнева* (*Калистратова*));

2) женщина «нового» типа, просвещенная и деятельная (*Лизавета Егоровна Бахарева*, *Марья Николаевна Брюхачева*, *Бертольди*, *Агата Мечникова*);

3) женщина инфернального типа, несущая погибель всему и всем, встречающимся на ее пути (*Ольга Григорьевна Саренко*, *Ольга Александровна Розанова*, *Давыдовская*, «феи чистых прудов», *Мечникова*);

4) женщина «на перепутье» (*Зинаида*, *Софи*), которая находится «в состоянии перехода от противоестественного к естественному душевному складу» [Старыгина, 1998, с. 196]. Следует заметить, что переход от противоестественного к естественному душевному складу определен не для всех героинь лесковских произведений. Во многих художественных текстах Лескова этот переход не совершается, а иногда происходит в обратном направлении, что ведет к утрате религиозности как ключевой ценности национального характера, а отсюда самоубийства женских персонажей Лескова, сумасшествие как отражение невозможности обретения гармонии (например, «Леди Макбет Мценского уезда», «Житие одной бабы», «На ножах»).

Обозначенные типы имеют определенные черты сходства, которые проявляются в моменты испытания любовью, связей с обществом, условиями жизни героинь; при этом женские персонажи дают оценку друг другу, что усиливает очевидное противостояние типов и рельефно обозначает позицию автора по «женскому вопросу». Но все же главным критерием данной типологии является выбор своего пути каждой из героинь в момент кризиса.

Тип женщин-праведниц в романе «Некуда» ориентирован на национальный идеал, для них характерны суждения, касающиеся семьи, роли женщины в ней, устройства дома, а содержание этих суждений свидетельствует об устремленности героинь к Божественному началу. Судьбы женщин этого типа в романе чаще не похожи: различно их социальное положение, противопоставлен опыт любовных отношений и т. д., но весь жизненный цикл героинь-праведниц подтверждает органичность жизни, где главное — осознанная и деятельная любовь к людям. Здесь же упомянем ключевые черты лесковских праведниц — кротость, смирение, милосердие, жалость (ср.: сестра Феоктиста: «Сама хорошо себя ведешь, так и тебе хорошо. Я ж мужа почитала, и он меня жалел» [Лесков, 1956, т. 2, с. 34]; о жене Нечая Дарье: «Вот тебе моя московка: баба добрая, жалеет меня: поздоров ее боже за это» [Там же, с. 251]; о Полиньке Калистратовой: «Полинька сама не знала, любила ли она своего мужа, но ей было его жаль...» [Там же, с. 434] — в этом целая народная философия должного взаимоотношения полов и отражение идеи «христианского равенства».

Гармоничность этого типа женщин подчеркивается Н. С. Лесковым на всех уровнях, начиная с внешности героинь, которая соответствует национальному восприятию женской красоты. Например, о Евгении Гловацкой: «Марина Абрамовна недаром назвала Евгению Петровну красавицей. Она действительно хороша <...>. Стан высокий, стройный и роскошный, античная грудь, античные плечи, прелестная ручка, волосы черные, черные, как вороново крыло, и кроткие, умные голубые глаза, которые так и смотрели в душу, так и западали в сердце <...>. Вообще в ее лице много спокойной решимости и силы, но вместе с тем в ней много и той женственности, которая прежде всего ищет раздела, ласки и сочувствия» [Там же, с. 10]; о Марье Михайловне Райнер: «В ней могло пленять человека все, начиная с ее ангельской русой головки до ангельской души, смотревшей сквозь кроткие голубые глаза» [Там же, с. 270].

Через внешность героинь Лесков старается передать принципиальное качество их характеров — кротость. Поэтому в тексте романа неоднократно подчеркивается, что понимание / непонимание женщиной собственного предназначения полностью зависит от воспитания, примирения со своей судьбой (идея ответственности матери за судьбу дочери): «Точно мать покойница: хороша; когда б и сердце тебе бог дал материно...» [Там же, с. 18]; «...дочь вся в зависимости от матери, и мать несет за нее ответственность перед обществом. Пуще всего Ольге Сергеевне понравилось это новое открытие, что она несет за дочерей ответственность перед обществом: так она стала смотреть на себя, как на лицо весьма ответственное» [Там же, с. 505]. Подобные характеристики

героинь возникают в романе Лескова в прямой зависимости от идеи, согласно которой «женщина обретает ценность в русском космосе именно в ипостаси матери» [Рябов, с. 298].

Лескову важно показать, что Мать несет ответственность за свое Дитя, и на нее возложена миссия — привести ребенка к Богу, обеспечить ему Спасение. На примере судьбы Марьи Михайловны Райнер Н. С. Лесков доказывает, что отдаление от Бога ведет не только к крушению женской судьбы, невозможности продолжения рода, но и губит ребенка: «Ульрих Райнер решил никак не крестить сына, и ему это удалось. Ребенок, пососав несколько дней материнское молоко, отравленное материнским горем, зачах, покорчился и умер» [Лесков, 1956, т. 2, с. 271]. И, наоборот, причастность к Таинствам, путь к Богу, понимание истинных смыслов вознаграждается: «Четвертого ноября 1840 года у Райнера родился второй сын. Ульрих Райнер был теперь гораздо старше, чем при рождении первого ребенка, и не сумасшествовал. Ребенка при св. крещении назвали Васильем» [Там же]. Николай Лесков показывает, что Крещение соединяет человека с Божественным началом, позволяет обрести жизнь вечную в Боге. О важности Крещения говорят многие тексты Священного Писания и несомненна их правота и истинность для Н. С. Лескова: «...если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3, 5), т. е. не может обрести дом (как физически, так и метафизически). Дом — символ прочности и стабильности бытия. Человек «вне дома», как правило, не имеет корней, уязвим и несовершенен.

Так, благодаря и пространственной оппозиции «дом — вне дома», героини наделяются нравственными характеристиками. Женщины-праведницы всецело посвящают свою жизнь заботе о доме / комнате, о его / ее уюте: «А уж о комнате Женни и говорить нечего. Такая была хорошенькая, такая девственная комнатка, что стоило в ней побыть десять минут, чтобы начать чувствовать себя как-то спокойнее, и выше, и чище, и нравственнее» [Там же, с. 68]. Собственно, и хозяйка комнаты привлекала своей искренностью, добротой, умением сопереживать, и, находясь рядом с ней, другие буквально «оживали»: «С приездом Женни <...> помолодел сам старик, сильнее зацвел старый жасмин, обрезанный и подвязанный молодыми ручками... <...> Люди и старик отец тотчас почувствовали, что в доме есть настоящая хозяйка, которая все видит и обо всех помнит. И стало всем очень хорошо в этом доме» [Там же, с. 130–131].

Отношение к «дому» героинь «нового» типа позволяет показать Лескову, что женщина, утратившая способность любить, жалеть, сострадать, живущая в хаосе, т. е. «вне дома», обречена на одиночество и бездетность. По сути, такая героиня утрачивает родоохранительную функцию, что приводит в итоге к неминуемой гибели, безысходности и обреченности. Ярким примером являются судьбы Лизы Бахаревой и Агаты Мечниковой: «К полуночи озноб неожиданно сменился жестоким жаром, Лиза начала покашливать, и к утру у нее появилась мокрота, окрашенная алым кровяным цветом» [Там же, с. 688]; «Агата <...> жила совершенно пропав для всего света. Она ждала времени своего разрешения и старалась всячески гнать от себя всякую мысль о будущем» [Там же, с. 627].

Н. С. Лесков замечает, что отношение Агаты к своей беременности настолько безразличное, что материнство не способно сохранить героиню в ее мире «вне дома» и вне Бога. Автор романа подчеркивает эту мысль, указывая и на внешность женщины: «Лицо ее позеленело и немного отекло, глаза сделались еще больше, фигура сильно испортилась в талии» [Лесков, 1956, т. 2, с. 621]. Об этом же, о необходимости вспомнить вечные ценности, говорят мужские персонажи романа (письмо Гижицкого к Агате): «Вспомните, что вы ведь русская. Зачем вам быть с нами? Примите мой совет: успокойтесь; будьте русскою женщиною и посмотрите, не верно ли то, что стране вашей нужны прежде всего хорошие матери, без которых трудно ждать хороших людей» [Там же, с. 622]. Подобный прием (несоответствие суждений героя его социальной роли), используемый Лесковым, демонстрирует, что вопреки всем новомодным течениям, существуют вещи незыблемые, нерушимые, фундаментальные. При этом Лесков признает за женщинами «нового» типа ум, стремление действовать, поддерживает их активность в организации собственной жизни, но не наделяет силой, способной вывести их за пределы хаоса.

Важным аспектом в структуре женских образов «нового» типа является их неустойчивость, которая проявляется в испытываемых героинями сомнениях, в ощущении вынужденности выбранного решения. Благодаря этим героиням и сам Н. С. Лесков подвергает проверке свою теорию «разумной эмансипации». Лиза проникнута порывом к свободе, ищет реальные воплощения мира, что поддерживает и автор романа, но на путях «правдоискательства», в борьбе за общее дело и справедливость отрицает национальные основы жизни, что приводит к уничтожению духовной сущности женщины.

Что же касается женщин инфернального типа в романе, то они сочетают в себе все возможные пороки человечества, но главный из них, по Н. С. Лескову, — уход от архетипа матери, полное его разрушение (разрушение архетипа матери в полной мере проявится в более позднем творчестве Н. С. Лескова, но наиболее ярким примером из раннего периода можно считать образ Катерины Измайловой в «Леди Макбет Мценского уезда»). И героини на протяжении всего романа «глупы», например, о Мечниковой: «В два года, которые провела, расставшись с детьми и мужем, она успела совершенно забыть и о детях и о муже и считала себя лицом вполне свободным от всяких нравственных обязательств. По образу своей жизни и некоторым своим воззрениям Мечникова вовсе не имела ничего общего с женщинами новых гражданских стремлений. Она дорожила только свободою делать что ей захочется, но до всего остального мира ей не было никакого дела. Ей было все равно, благоденствует ли этот мир или изнывает в безысходных страданиях» [Там же, с. 596—597]. Естественно, что подобная жизнь Мечниковой ведет к смерти: «Зимою madame Мечникова, доживая последнюю сотню рублей, простудилась, катаясь на тройке, заболела и в несколько дней умерла» [Там же, с. 607]. По Н. С. Лескову, жизнь женщины, в данном случае, бессмысленна, и ее смерть — это закономерный итог. В образной системе романа «Некуда» прослеживаются черты автобиографизма. Как пишет Г. В. Мосалева,

«“автобиографизм”... усиливает исповедальность повествования» [Мосалева, с. 87]. Существует мнение, что женщины инфернального типа буквально во всех произведениях автора — это гиперболизированное изображение жизни Лескова со своей первой супругой Ольгой Васильевной Смирновой (бывшая супруга Лескова послужила прототипом образа Ольги Розановой).

Представительницами типа женщины «на перепутье» в романе «Некуда» являются сестры Лизы Бахаревой — Зинаида и Софи. Их образы отражают проблему перехода от противоестественного к естественного душевному складу. Зинаида второй год замужем, а «комедий настроила столько, что другая в двадцать лет не успеет» [Лесков, 1956, т. 2, с. 20]. Другие персонажи романа называют причины, по которым она оказалась «на перепутье», главная из которых — «в неумении скрыть от света своего горя и во всяком отсутствии желания помочь ему, исправить свою жизнь, сделать ее сносною и себе и мужу» [Там же, с. 23]. Зинаида колеблется, не знает, как ей поступить: вернуться к мужу или продолжить жить одной. И Агния Николаевна (женщина-праведница) указывает, что, выбирая для себя противоестественное для женщины состояние, Зинаида будет «ни девушка, ни вдова, ни замужняя жена», т. е. произойдет окончательный разрыв с традиционным. Допустить подобного не может глава семьи — Егор Николаевич. Благодаря его твердости и решимости Зинаида совершает выбор в пользу естественного, привычного для женщины мироустройства — возвращения в семью, признания одного авторитета — мужчины: «Ей давно смерть хотелось возвратиться к мужу, и теперь она получила разом два удовольствия: надевала на себя венок страдалицы и возвращалась к мужу, якобы не по собственной воле, имея, однако, в виду все приятные стороны совместного житья с мужем, которыми весьма дорожила ее натура, не уважавшая капризов распущенного разума» [Там же, с. 109].

Совершенно иначе складывается судьба Софи, несмотря на явную схожесть с Зинаидой: «Она несколько похожа на сестру Зину и несколько напоминает Лизу, но все-таки она более сестра Зины, чем Лизы. <...> Вообще, это барышня, каких много: существо мелочно самолюбивое, тирански жестокое и сентиментально мечтательное. Такое существо, которое растет, так ничего в нем нет, а вырастет, станет ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец» [Там же, с. 44]. У Софи не получается перейти к естественному душевному складу, поскольку в ней не было «женства»: «У Софи наклевывались женишки, но как-то все только наклевывались, а из скорлупы не вылезали» [Там же, с. 417].

В женщине писатель видел, прежде всего, предназначение быть хранительницей семейного счастья. Н. С. Лесков отмечал следующее: «Как о мужчине экзамены и дипломы ничего не говорят, так и в женщине прежде всего важен ее характер: умение не испортить вам жизнь и затем уже ее искристый, природный ум...» [Фаресов, с. 27]. При этом Лесков указывал, что сила женщины в принадлежащей только ей возможности привести все в соответствие, в умении организовать пространство по законам гармонии, а образование, труд должны стать инструментом для достижения цели высшего порядка.

Очевидно, что во многом героини Н. С. Лескова схожи с женскими персонажами в русской литературе XIX столетия. Так, например, суждения Николая Лескова о «женском вопросе» близки идеям Ф. М. Достоевского. Последний пишет о русской женщине вообще как о «залоге... обновления» общества, приветствует «подъем в запросах ее... высокий, откровенный и безбоязненный» [Достоевский, т. 19, с. 25]; кроме того, именно в женщине «...самый прямой, честный, но неопытный юный... характер, с тем гордым целомудрием, которое не боится и не может быть загрязнено даже от соприкосновения с пороком» [Там же]. Созвучность позиций авторов прослеживается и на уровне персонажной системы — в изображении женских образов. Судьба женщины, как в творчестве Достоевского, так и в раннем творчестве Лескова, находится в руках мужчины («Скажите мне, как вы думаете: выходить мне замуж или нет? Как скажете, так и сделаю» [Достоевский, т. 7, с. 176] — Настасья Филипповна); общим для героинь является наличие оценочного клейма (сумасшедшая, безумная, калека — Настасья Филипповна, Марья Тимофеевна, Настя Прокудина и др. («Перестали сумасшедшую Настю считать человеком и стали называть ее не по-прежнему Настькой-прокудинской, а Настей-бесноватой» [Лесков, 1956, т. 1, с. 369]).

Оба писателя пользуются понятиями «натура» и «разум», но если у Достоевского это два борющихся друг с другом начала, то у Лескова такого противопоставления нет. В отличие от героинь Достоевского, героини Лескова стихийны по своей сути, их привлекает дело, практика. Героини Лескова борются с окружающим миром за возможность воплотить в жизнь свой идеал, но этот идеал они не ищут в муках и душевных страданиях, как герои Ф. М. Достоевского. Еще одним важным отличием героинь раннего творчества Лескова от женских образов Достоевского служит их отношение к материнству. Женщина в творчестве Достоевского оказывается поруганной, но ей дано материнство, единственное утешение в падшем мире. Материнство преображает женщину, подымает от этого мира, делает ее «юродивой» — заставляет отказаться от разума, забыть о себе и жить чувствами; кроме того, «через детей душа лечится» [Достоевский, т. 8, с. 86]. В раннем же творчестве Лескова материнство может быть и бременем, и величайшей ценностью.

В своем первом романе Н. С. Лесков намечает систему женских образов, получившую развитие в более позднем периоде творчества писателя, где усложняется типология образов-персонажей женщин, среди которых можно выделить такие типы, как «женщина-мать», «женщина-грешница, женщина-блудница» и пр. (как в раннем, так и в более позднем периоде каждому типу женщины соответствует свой тип мужчины).

Таким образом, Н. С. Лескова интересовали не просто частные проявления женского начала, он стремился к постижению особенностей характера русской женщины, значения ее миссии. В романе «Некуда», произведении о нигилистах, на первый план Николай Лесков выводит именно фигуры девушек, женщин, показывает, как складывается их судьба, поскольку образы, типы женщин в данном тексте — индикатор ценностных ориентаций писателя.

Іанина А. В. «Женский вопрос» в романах Н. С. Лескова «Некуда» и «На ножах» // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 2008. № 12. С. 245—247.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 20 т. М. : Терра, 1998.

Другов Б. М. Н. С. Лесков. Очерк творчества. 2-е изд. М. : ГИХЛ, 1961.

Иванова Т. Н. «Новый» тип русской женщины в изображении И. С. Тургенева и Н. С. Лескова : романы «Накануне» и «Некуда» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2002.

Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М. : Гослитиздат, 1954.

Лесков Н. С. Полное собрание сочинений : в 30 т. М. : Терра, 1997.

Лесков Н. С. Собрание : в 11 т. / под общ. ред. В. Г. Базанова, Б. Я. Бухштаба, А. И. Груздева, С. А. Рейсера, Б. М. Эйхенбаума. М. : ГИХЛ, 1956—1958.

Маркадэ Ж.-К. Творчество Н. С. Лескова. Романы и хроники. СПб. : Академический проект, 2006.

Мосалева Г. В. Поэтика Н. С. Лескова. Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1993.

Рябов О. В. Русская философия женственности (XI—XX века). Иваново : Юнона, 1999.

Старыгина Н. Н. «Душа в мятущихся страстях»: (Образы женщин в антинигилистических романах Гончарова, Лескова, Достоевского) // И. А. Гончаров : материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова / сост. М. Б. Жданова и др. Ульяновск : Печатный двор, 1998. С. 196—206.

Старыгина Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860—1870-х годов. М. : Языки славянской культуры, 2003.

Тотубалина Н. И. «Некуда»: примечания // Лесков Н. С. Собр. соч. : в 11 т. М. : ГИХЛ, 1956. Т. 2. С. 711—755.

Фаресов А. И. Из воспоминаний о Н. С. Лескове // Свободным художествам. 1910. № 1. С. 26—29.

Статья поступила в редакцию 13.03.2016 г.

Кашкарева Алена Петровна
преподаватель кафедры филологического образования и журналистики
Сургутский государственный педагогический университет
628400, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2
E-mail: alynochka_6@mail.ru

Kashkareva, Alyona Petrovna
Lecturer, Chair of Philological Education and Journalism
Surgut State Pedagogical University
10/2, 50 Let VLKSM Str., 628400 Surgut, Tyumen Region, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug, Ugra, Russia
E-mail: alynochka_6@mail.ru

A TYPOLOGY OF FEMALE CHARACTERS IN NIKOLAI LESKOV'S *NO WAY OUT*

The article deals with the types of female characters in N. S. Leskov's novel *No Way Out*. The analysis of the literary text allows the author to conclude that the writer tried to comprehend the peculiarities of the Russian woman's nature, and show the various forms of existence of the feminine. In this case one can talk about a typological convergence of the heroines of *No Way Out*, a novel by Nikolai Leskov,

with female images of Russian classic literature (to prove her point, the author provides examples from Dostoyevsky's works). Already in his first novel N. S. Leskov outlines a system of female characters (righteous women, women of the "new" type, women of the infernal type, women "at crossroads", etc.), which was developed during the late period of the writer's work. Both types have certain similarities and are different from each other. The main criterion for the typology is the choice each of the heroines makes during moments of crisis. The author maintains that in *No Way Out*, a work about the nihilists, it is the characters of girls, and women that Nikolai Leskov brings to the forefront and shows how their fate develops, as the characters, the types of women in the text in question are an indicator of the writer's system of values.

K e y w o r d s: Russian literature; Russian prose; N. S. Leskov; *No Way Out*; female characters.

Dostoevsky, F. M. (1998). *Sobranie sochinenij* [Collected Works] (Vols. 1–20). Moscow: Terra. (In Russian)

Drugov, B. M. (1961). *N. S. Leskov. Ocherk tvorchestva* [An Overview of Creative Work]. (2nd ed.) Moscow: GIHL. (In Russian)

Faresov, A. I. (1910). Iz vospominanij o N. S. Leskove [Excerpts from Memoirs about N. S. Leskov]. *Svobodnym hudozhestvam, 1*, 26—29. (In Russian)

Ganina, A. V. (2008). «Zhenskiy vopros» v romanah N. S. Leskova «Nekuda» i «Na nozhah» [The Female Issue in N. S. Leskov's Novels *No Way Out* and *At Daggers Drawn*]. *Vestn. Tamb. un-ta. Ser. Gumanitar. nauki, 12*, 245—247. (In Russian)

Ivanova, T. N. (2002). *«Novyiy» tip russkoy zhenschinyi v izobrazhenii I. S. Turgeneva i N. S. Leskova: romanyi «Nakanune» i «Nekuda»* [The New Type of the Russian Woman as Portrayed by I. S. Turgenev and N. S. Leskov: Novels *On the Eve* and *No Way Out*] (doctoral dissertation abstract). Orel: Orlov. gos. un-t. (In Russian)

Leskov, A. (1954). *Zhizn' Nikolaja Leskova po ego lichnym, semejnym i nesemejnym zapisjam i pamjatjam* [Nikolai Leskov's Life as Described in his Private, Family and Non-Family Notes and Accounts]. Moscow: Goslitizdat. (In Russian)

Leskov, N. S. (1956—1958). *Sobranie* [A Collection] (Vols. 1–11). Moscow: GIHL. (In Russian)

Leskov, N. S. (1997). *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works] (Vols. 1–30). Moscow: Terra. (In Russian)

Markadje, Zh.-K. (2006). *Tvorchestvo N. S. Leskova. Romany i hroniki* [N. S. Leskov's Creative Work: Novels and Chronicles]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt. (In Russian)

Mosaleva, G. V. (1993). *Pojetika N. S. Leskova* [N. S. Leskov's Poetics]. Izhevsk: Izd-vo Udmurt. un-ta. (In Russian)

Rjabov, O. V. (1999). *Russkaja filosofija zhenstvennosti (XI—XX veka)* [The Russian Philosophy of Femininity (11th–20th Centuries)]. Ivanovo: Junona. (In Russian)

Starygina, N. N. (1998). «Dusha v mjatushhihsja strastjah»: (Obrazy zhenshhin v antinigilisticheskih romanah Goncharova, Leskova, Dostoevskogo) ["Restless Soul": (Images of Women in Antinihilist Novels of Goncharov, Leskov, Dostoyevsky)]. In M. B. Zhdanova et al. (Comp.), *I. A. Goncharov: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, posvjashhennoj 185-letiju so dnja rozhdenija I. A. Goncharova* (pp. 196—206). Ul'janovsk: Pechatnyj dvor. (In Russian)

Staryigina, N. N. (2003). *Russkiy roman v situatsii filosofsko-religioznoy polemiki 1860—1870-h godov* [The Russian Novel within the Philosophical and Religious Polemics of the 1860s–1870s]. Moscow: Yazyiki slavyanskoy kulturyi. (In Russian)

Totubalina N. I. (1956). «Nekuda»: primechanija [*No Way Out*: Comments]. In N. S. Leskov, *Sobranie sochinenij* (Vols. 1–11) (Vol. 2, pp. 711—755). Moscow: GIHL. (In Russian)

Received 13 March 2016